

В.И. ЛАМАНСКИЙ И ЕГО УЧЕНИКИ

Елисавета Волкова

Статья посвящена рассмотрению деятельности научной школы В.И. Ламанского, обозначены основы, на которых базировалась академическая общность. Среди основных критериев выделяется сходство мировоззренческих и идеологических установок. В статье используются как научные публикации, так и мемуарные источники. Ламанский раскрывается как внимательный и трепетный педагог, общение которого с учениками выходило далеко за пределы университетских аудиторий. Человеческие качества соединялись с выдающимися педагогическими способностями и блестящим умом прозорливого мыслителя; одних очаровывала доброта Ламанского, другим симпатизировал обобщающий взгляд на историю и культуру славян. Научная школа Ламанского рассматривается не как профессиональная группа, а как своего рода «семья», сложившаяся в университете. В качестве фонового сюжета исследуется влияние Ламанского на интеллектуальную культуру славянского мира. Студенты Ламанского проявили себя не только как выдающиеся ученые, но и как талантливые политические деятели. В научной школе Ламанского царил преемственность, воспитавшая не одно поколение выдающихся русских славистов. Влияние славяноведа стало определяющим для формирования научного пути многих его учеников. Комплексный подход к образовательному процессу и склонность к интеллектуальному общению с виднейшими представителями славянской культуры второй половины XIX в. вдохновляли молодых исследователей. В статье дана обзорная характеристика академических интересов И.С. Пальмова, В.П. Семенова-Тянь-Шанского, К.Я. Грота. Широта взглядов Ламанского позволила его последователям найти себя в разных областях: церковной истории славян, географии, славистике.

Ключевые слова: В.И. Ламанский, научная школа Ламанского, славяноведение, славянофильство, школа славистов.

Остравский университет, Чехия

The article deals with the activities of the academic school of Vladimir Lamansky and outlines the foundations on which the academic community was based. Among the main criteria of this academic community, the author highlights the similarity of outlook and ideological attitudes. The article uses both scholarly publications and a variety of memoirs as material for analysis. As a result Lamansky is revealed as an attentive and reverent educator, whose communication with his students extended far beyond the university classroom. His human qualities were combined with the outstanding pedagogical abilities and brilliant mind of a visionary thinker; some were captivated by Lamansky's kindness, while others were sympathetic to his generalizing view of Slavic history and culture. The Lamansky academic school is seen not as a professional group, but as a kind of "family" that developed within the university. As a background subject, the influence of Lamansky on the intellectual culture of the Slavic world is explored. Lamansky's students proved themselves to be not only outstanding scientists, but also talented political figures. There was continuity in the academic school of Lamansky, and more than one generation of prominent Russian Slavic scholars grew up. The influence of the Slavic scholar was decisive in shaping the scholarly path of many of his students. His comprehensive approach to education and his inclination to intellectual interaction with the most prominent representatives of Slavic culture of the second half of the nineteenth century inspired young researchers. This article provides an overview of the academic interests of such Russian scientists as Ivan Palmov, Veniamin Semyonov-Tyan-Shansky, and Konstantin Grot. It is shown that the breadth and versatility of Lamansky's views and knowledge enabled his followers to find themselves in different fields: church history of the Slavs, geography, and Slavic studies.

Keywords: V.I. Lamansky, Lamansky academic school, Slavic studies, Slavophilism, school of Slavists.

Жизнь и творчество Владимир Ивановича Ламанского оказали значительное влияние на формирование интеллектуальной культуры России во второй половине XIX в. Следы его исторических, филологических и политико-географических размышлений можно найти на страницах работ ученых «петербургской школы», восприимчивых к наблюдениям старших коллег. В предложенной статье речь пойдет о «научной школе Ламанского», формирование которой происходило на протяжении нескольких десятилетий.

Ламанский был профессором кафедры славянской филологии в Санкт-Петербургском университете на протяжении трех десятков лет (1865–1899). Мыслитель старался вложить в основу образовательного процесса не только качественные разноплановые знания, но и глубокую сердечность. Большинство курсов, которые он читал, были посвящены славянам, их истории, филологии, литературе. Ученики отмечали, что, видя трепет своего преподавателя, они проникались искренним сопереживанием к соплеменникам. Можно предположить, что зачастую студенты приходили в университет с интересом к славистике в целом, не испытывая тяги к частным вопросам. Роль Ламанского как отца «научной школы» заключается в том, что путем длительных бесед с подопечными он открывал многим из них дорогу в науку: «Насколько мы помним нашего учителя, В.И. Ламанский не любил себя афишировать. В нем, правда, не было того, что обыкновенно называется скромностью, и что для многих является средством кокетничанья, но в нем жила глубокая серьезность и взыскательное к себе отношение. Многочисленные ученики его школы и своими научными темами, и планами, и, наконец, методами их разработки обязаны исключительно своему учителю, но он никогда ни единым словом на это не указывал, а наоборот все заслуги относил за счет личных качеств и дарований каждого из своих учеников» [5, с. 84].

К концу 1870-х гг. сформировалась целая научная школа, к которой принадлежали Ю.С. Анненков, В.Э. Регель, П.А. Сырку, И.С. Пальмов, Ф.И. Успенский, Ф.Ф. Зигель, А.С. Будилович, Р.Ф. Брандт, И.И. Соколов, М.И. Соколов, К.Я. Грот, Т.Д. Флоринский, Н.В. Ястребов, А.Л. Петров, Г.М. Князев, Ф.М. Истомина и др. Не все из них писали свои исследования со славянофильских позиций – среди слушателей Ламанского были и люди западнического мировоззрения. Ламанскому отнюдь не была присуща однобокость. Его «влекла» широта: широта понятий, суждений, воззрений. Будь то наука или преподавание, конфликт интересов никогда не представлялся как нечто губительное. В споре всегда рождалась истина, поэтому среди последователей Ламанского легко уживались люди с противоположными взглядами: «Сам ученый отличался широким взглядом на мир, он был толерантен к религиозным и другим убеждениям, противоречившим его личным, отрицал цензуру, высказывался за автономию высшей школы. В период студенческих волнений он вместе с либеральными профессорами осуждал политику самодержавия и оправдывал студенческие выступления» [5, с. 84].

Вероятно, многолетнее успешное существование «научной школы» во многом обеспечивал неоспоримый авторитет ее основателя. Между

студентами и преподавателем не было «холодной» дистанции, общение не заканчивалось за стенами университета. Ламанский, можно сказать, жил славянской историей, вовлекая в свою жизнь учеников, к которым относился с отеческим трепетом. Ученики отвечали профессору взаимностью, доверяли ему сокровенные переживания, рассказывали о тревогах, благодарили за хлопоты по получению материальной поддержки и стипендий. Например, А.С. Будилович пригласил Ламанского стать шафером на его свадьбе. Сердечная доброта, готовность помочь и невероятная участливость даже в самых малых делах привлекали к Ламанскому талантливейших представителей российского студенчества второй половины XIX в.

Активная научная работа и общественная деятельность Ламанского продолжались более шестидесяти лет. Безусловно, крупные слависты и известные преподаватели славяноведения были в России и до Ламанского, стоит сказать хотя бы о его учителе И.И. Срезневском. Однако никому ранее не удавалось окружить себя таким количеством преданных единомышленников. Активная педагогическая работа Ламанского была тесным образом связана с его идеями организации в России широкой сети историко-филологических научных учреждений и обществ [8, с. 138]. Славист отнюдь не замыкался в рамках российской академической науки. Он сотрудничал с чешскими и французскими учеными, состоял с ними в переписке, обменивался материалами, способствовал проникновению российской культуры в другие страны. Очевидно, это было связано не только с исследовательским и человеческим любопытством – Ламанский желал показать своим ученикам внешний открытый мир и его особенности. Он считал, что необходимо знакомиться с культурой других стран (преимущественно славянских): понимание быта и менталитета соплеменников, пусть и близких по этническому происхождению, помогало лучше понимать причины и смысл многих исторических событий. В основе влияния Ламанского на интеллектуальную культуру лежало взаимодействие: он настаивал на всестороннем интеллектуальном обмене. Возможно, в рамках широко развернувшейся деятельности Ламанского было бы уместно говорить о его влиянии на интеллектуальную культуру всего славянского мира.

Круг его общения был необычайно широк. Ламанский был лично знаком со многими деятелями чешского национального возрождения, в том числе с историком и политиком Ф. Палацким и его зятем Ф.Л. Ригером. А на журфиксах по субботам собирались не только ученики и приближенные, но порой и совершенно неожиданные люди. Двери дома Ламанского не закрывались, а оживленные беседы велись до глубокой ночи. Слависту, поборов природную скромность, приходилось громогласно заявлять о завершении вечера. В.П. Семенов-Тянь-Шанский оставил свидетельства о тех днях: «Семья Ламанских переменила свою квартиру на Разъезжей (в доме Висконти) на более удобную и более обширную квартиру на Звенигородской улице в доме графа Зубова во втором этаже, найденную в конце лета почитателем Владимира Ивановича Зосимовичем. В этой квартире Владимир Иванович и Александра Ивановна прожили оба до своей смерти. У Владимира Ивановича был тут обширный

превосходный кабинет, свободно вмещавший всю его обширную библиотеку, а, кроме того, была и большая гостиная, и поместительная столовая. Поэтому обычные у него субботы достигли именно на этой квартире апогея своего развития. Дети подросли и также приглашали в этот день своих сверстников и компаньонов. Штрупп воспользовался возможностью устраивать собрания “общества добровольных клакеров” в субботу же, с музыкой и пением» [19, с. 256]. К мемуарам следует также обратиться, чтобы составить полное впечатление о людях, с которыми учитель знакомил своих учеников: «Среди гостей кабинета В.И. Ламанского было много известных людей своего времени. Кроме академиков, настоящих и будущих, как например Л.Н. Майкова, В.Г. Васильевского, Розена, Ф.И. Успенского и многих других, были и знаменитые профессора А.И. Воейков, друг Владимира Ивановича, И.П. Минаев, чешский профессор Масарик – будущий пожизненный президент Чехословакии, славянские политические деятели – болгары Цанков старший, Петко Каравелов, серб Пашич, чех Крамаж и другие. Рядом с ними сидели и никому неизвестные молодые студенты – слушатели университета, офицеры военной академии генерального штаба и слушатели духовной академии, скромные краеведы – сотрудники детища Владимира Ивановича журнала “Живая старина”, издававшегося отделением этнографии Русского Географического общества, где Владимир Иванович долго был председателем, хромой красивый этнограф старик-еврей П.В. Шейн, супруги Куторги, необычайно похожие друг на друга, ученики Владимира Ивановича – И.С. Пальмов, тогда профессор духовной академии, а впоследствии академик, мой двоюродный брат профессор К.Я. Грот, будущий профессор Н.В. Ястребцов с женой, Г.М. Князев с женой, профессор П.Н. Жуков с женой, этнограф Ф.М. Истомин (секретарь отделения этнографии), профессор (впоследствии академик) С.Ф. Платонов с женой, в том время доцент, а впоследствии профессор Ф.Д. Батюшков и другие» [19, с. 270].

Подход Ламанского к образовательному процессу с точки зрения межкультурных коммуникаций и межнационального общения оказался верным и плодотворным. С большой пользой для науки много лет работал в архивах Чехии и Моравии его ученик Ю.С. Анненков (1849–1885). Прожив всего тридцать шесть лет, он и за этот короткий срок успел внести такой вклад в науку, что его имя вошло почти во все энциклопедические словари XIX – начала XX в. Ю.С. Анненков был ученым, который строил свои исследования на основании критического изучения источников. Он был представителем нового поколения учеников Ламанского, отошедших от славянофильских увлечений учителя и внесших весомый вклад в развитие русской историографии о чешском средневековье [7, с. 80].

Восприимчив к международным связям оказался и И.С. Пальмов, занимавшийся преимущественно изучением религиозных аспектов истории славян. С исследовательскими целями он объездил большую часть славянских земель. Известны его подробные изыскания по истории чешской церкви в Средние века, которые, быть может, частично отходят от традиционной славянофильской концепции, но являются новаторскими в научном плане. Крупнейшие его сочинения – две диссертации, в кото-

рых рассматривалась религиозная жизнь средневековой Чехии, явились значительным достижением науки своего времени и были отмечены широким откликом как в России, так и за ее пределами. Научные заслуги И.С. Пальмова получили признание: он был избран членом ряда ученых обществ в России и за границей, а в 1916 г. стал действительным членом Российской Академии наук [6, с. 56].

И.С. Пальмов, вдохновленный примером своего учителя, и сам поддерживал тесное дружеское общение со многими известными религиозными и научными деятелями своего времени. Теплые взаимоотношения нередко становились основой для продуктивного сотрудничества в рамках Славянского благотворительного общества. Говоря о влиянии Ламанского на складывание научной карьеры И.С. Пальмова, отметим, что профессор составил для магистра И.С. Пальмова инструкции по научной работе за рубежом, в которых, помимо практических наставлений, были изложены и некоторые важные теоретические принципы. Ламанский подчеркивал важность изучения не только письменных памятников, но настаивал на том, чтобы ученик изучал историю церкви в широком контексте всей культуры в ее прошлом и настоящем [2, с. 99]. Советы учителя не остались неслышанными. Занимаясь собственными исследованиями, И.С. Пальмов особое внимание уделял материальной культуре. И.С. Пальмова и Ламанского сближал «либеральный» подход к отдельным аспектам славянофильства. Например, несмотря на очевидную приверженность к православной традиции, они оба питали интерес к католицизму, поскольку без знания и понимания истории и догматики католической церкви невозможно изучать западную культуру и историю западных славян. Общность взглядов читалась и в понимании нарастания острых противоречий между греко-славянским и романо-германским мирами. Однако если Владимир Иванович основное место в своих научных построениях отводил России, то И.С. Пальмову было интересно заниматься «маленькими» государствами, находящимися под «иноземным гнетом». Впрочем, создается впечатление, что правильно судить о настоящей преемственности между учеными можно только обратившись к используемой ими методологии. Славистов объединял интерес к работе с рукописными источниками, подход от «большого к малому», т.е. исходной точкой исследования являлась теоретическая и, шире, мировоззренческая установка. Можно отметить еще одну особенность – значение заграничных командировок для формирования их научных взглядов.

Ученики отмечали талант Ламанского как политического мыслителя. Ему удавалось очень точно определять истоки событий, разворачивавшихся на международной арене. Студенты же, будучи пылкими и в достаточной степени либеральными, интересовались не столько культурными особенностями славянских народов, сколько их государственным устройством. Вторая половина XIX в. не сулила славянам спокойствия. С одной стороны, бесконечные восстания как наглядная демонстрация непримиримости между востоком и западом, с другой, попытка порабощения османами и, как следствие, череда русско-турецких войн.

Интересно обратиться к размышлениям современников о научной школе Ламанского. Например, А.Н. Пыпин полагал, что славист оказал

двойное воздействие на своих учеников: с одной стороны, он передал им приемы научной работы, основанные на хорошем знании источников и специальной литературы; с другой, привил им собственные взгляды на славянский вопрос [1, с. 13]. Стоит отметить справедливость наблюдений А.Н. Пыпина. Талантливый ученый и политический мыслитель не мог не иметь твердой идеологической позиции по вопросам, которые он разбирал на занятиях с учениками. Но взгляды профессора перенимались в ходе оживленной дискуссии, обдумывания, осмысления: это не было жесткое бескомпромиссное навязывание.

Подробную характеристику Ламанскому дал В.П. Семенов-Тянь-Шанский: «Владимир Иванович в жизни был воплощенной правдой, органически не переносивший лжи, фальши, лести и подхалимства, и вместе с тем воплощенной добротой и скромностью. Мой отец говорил, что у него характер апостольский... Все люди с чистым сердцем неизменно к нему льнули, а все с дурной сердцевиной боялись его языка и чуждались. Но так как он был очень добр по натуре, то они поневоле подчас делали неоднократные попытки повторного сближения с ним и потом снова отскакивали, как горох от стены. С годами эти характерные для молодых годов его жизни свойства стали неизменно смягчаться в нем, и с каждым годом он становился все благодуще и благодуще. Ко мне он чувствовал неизменную симпатию, и я тоже, и наши отношения бывали всегда лучшие и сердечные. В историко-географическом и антропогеографическом отношении он был моим незабываемым учителем, и я именно ему обязан весьма многим в ширине антропогеографических построений» [19, с. 116]. Небезосновательным становится предположение, что исследовательские позиции и политические взгляды Ламанского перенимались его окружением, благодаря глубокой личной симпатии. Очарование этого человека как будто не позволяло допустить его неправоту.

Можно указать на отдельные тезисы, которые объединяют Ламанского и В.П. Семенова-Тянь-Шанского. Последний, опираясь на концепции слависта, вывел теорию о влиянии географических факторов на развитие общества и формирование разных типов культур: «В результате жизнедеятельности человеческих сообществ создаются географические типы человеческих культур. Эти типы весьма разнообразны, что зависит, с одной стороны, от большого разнообразия географических условий различных частей нашей планеты, а с другой, – от большой разницы в ступенях развития различных ветвей человечества, существующих одновременно» [18, с. 198]. Идея, озвученная В.П. Семеновым-Тянь-Шанским, не вполне принадлежит «научной школе Ламанского». Еще в первой половине XIX в. о неразделимости истории, культуры и географии писал П.Я. Чаадаев: «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это факт географический» [20, с. 538]. Размышления о важности географических особенностей в построении государст-

венной, национальной и культурной политики послужили точкой соприкосновения для западников и славянофилов. Многие общественные и культурные деятели России полагали, что формирование полноценного патриотизма немыслимо без географии. Н.В. Гоголь придавал ей большое значение в воспитании молодежи и сокрушался о великом незнании России. В.П. Семенов-Тянь-Шанскому удалось превратить «досужее развлечение интеллектуалов» в полноценную научную концепцию.

В своих трудах В.П. Семенов-Тянь-Шанский обосновал неразрывную связь между географической средой и политико-экономической жизнью общества. По его мнению, историко-географические, этнические и культурные факторы в совокупности могут служить причиной для географических сдвигов. Географ не считал свои выводы открытиями, он воспринимал их как политико-географическую интерпретацию работ Ламанского. В некрологе учителю он писал, что заслуги ученого в качестве географа не только чисто научные, но и государственные, т.к. Ламанский думал с политико-географической точки зрения о мировом значении России и других великих и малых держав Старого Света. Антропогеографические сюжеты В.П. Семенов-Тянь-Шанский находил уже в магистерской диссертации славяноведа. В докторской же диссертации Ламанского встречаются большие географические обобщения, которые и легли в основу трудов В.П. Семенова-Тянь-Шанского.

Называя Ламанского «главой русской этнографии», В.П. Семенов-Тянь-Шанский отмечал, что славист совмещал в себе одновременно все лучшее из гуманизма и из национализма: «В нем гуманизм никогда не противопоставлялся национализму, а одно начало само собой непринужденно и неразрывно сочеталось с другим в высшую гармонию» [16, с. 5].

Расцвет научной деятельности В.П. Семенова-Тянь-Шанского пришелся на полное потрясений начало XX в. Выдвинутая им концепция во многом совпадала и с идеями евразийцев-эмигрантов. «Евразийство» В.П. Семенова-Тянь-Шанского формировалось обособленно: оно стало осмысленной реакцией на современную ему политическую обстановку. Однако необходимо отметить, что вектор размышлений В.П. Семенова-Тянь-Шанского был задан именно Ламанским. Выводы В.П. Семенова-Тянь-Шанского, как и его учителя, были особенно актуальны в период Первой мировой войны.

О влиянии Ламанского на подопечных нередко высказывался еще один видный представитель «школы Ламанского» К.Я. Грот. Он упоминал, что каждое суждение учителя надолго оставалось у него в голове, вызывая желание самостоятельно погрузиться в предмет изучения.

К.Я. Грот – единственный из первого поколения учеников Ламанского, который дожил до установления в России советской власти. Даже после победы большевиков он не отказался от собственных взглядов на историю России и славянского мира. Стремление сохранить честность в науке оказалось намного сильнее страха быть обвиненным в «империализме». Всю оставшуюся жизнь К.Я. Грот пытался защитить доброе имя своего учителя, которого стали называть националистом, шовинистом и т.п. Ламанский, как и многие его ученики, пришлось «не ко двору» новой власти.

Например, в докладе «Славяноведение на службе самодержавия (из деятельности академика В.И. Ламанского)» указывалось на политически вредное влияние Ламанского на русских славистов. Отсюда можно сделать вывод, что в геополитическом отношении и в императорской, и в советской России пропагандировались одни и те же идеи – менялись лишь их формулировки. Взгляды Ламанского в области культурного панславизма пусть и были наивны, но все еще могли послужить новой власти для пропаганды «единства». Многое, что было создано в имперский период русской истории, определялось как «пережиток», а значит, не имело права на реабилитацию.

Среди учеников Ламанского К.Я. Грот оказался одним из наиболее последовательных и стойких славянофилов. В борьбе за национальные славянские идеалы он порой доходил до непримиримости. Выражалось это в критических замечаниях в адрес российских ученых, которые, служа в Академии наук, безуданно «смотрели» на Запад.

К.Я. Грота нельзя изучать обособленно от Ламанского. Его взгляды на преподавание, культуру, науку во многом представляют собой развитие идей его учителя. Мировоззрение самого К.Я. Грота может служить прекрасным примером резкого идеологического восприятия. Его работы наполнены рассуждениями о борьбе греко-славянского и романогерманского миров, критикой засилья «западников» в среде российской интеллектуальной элиты, а также рассуждениями о важности осознания национальной идентичности в народе путем изучения его истории и культуры.

К.Я. Грот и Ламанский были убеждены, что патриотическое воспитание и детальное знакомство с историческим прошлым своего народа является необходимой ступенью в реализации всеобщего славянского просвещения: «Не наступает ли время, когда, благодаря новейшим успехам русского самосознания, более близкое и основательное знакомство со славянством, становится у нас прямою потребностью, должно стать и необходимым элементом общего образования» [13, с. 1].

К.Я. Грот, будучи приверженцем идеологии культурного панславизма, демонстрировал абсолютную убежденность в возможности сохранить Россию в качестве сильного государства лишь путем подробного изучения духовной культуры восточных славян. Особую роль он отводил понимаю и глубокому сердечному восприятию православия. Ему не была близка «слепая» любовь к России, которая наносит урон куда больший, чем ненависть к ней. К.Я. Грот считал, что, изучив «столпы» родины в виде религии, языка, литературы, люди смогут понять ее, а значит, сохранить силу питающих национальную культуру истоков. К.Я. Грот ратовал за распространение славяноведения всеми доступными способами: «Деятели на таком поприще ознакомления массы читающей публики со славянством должны найти в другой сфере, в мире литературном и публицистическом; если таких писателей у нас до сих пор еще почти не было, то это именно результат отсталости русского общества в отношении к славянскому сознанию. Только успех этого последнего, а главное школа, которая воспитывала бы общество в национально-славянском

духе и направлении, в состоянии создать у нас общедоступную литературу по славяноведению...» [13, с. 47].

Зависимость взглядов К.Я. Грота от мировоззрения Ламанского можно проследить во многих его ключевых работах, в том числе в таких, как «Знакомство со славянством, как необходимый элемент среднего образования», «Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе», «Карпато-дунайская земля в судьбах славянства и русских исторических изучениях», «Истинные пути к славянской взаимности» и др.

За исследовательскую и преподавательскую деятельность на поприще славянской филологии Ламанского многие стали именовать «патриархом славяноведения». Успехи славистики во второй половине XIX в. уже во многом были связаны с работами самого Ламанского и его учеников. Ламанский и его школа заложили основы научного изучения славянства [8, с. 92]. Небесполезным будет упомянуть о том, что «школа Ламанского» косвенным образом разрасталась и за пределами России. Ученый занимался пропагандой славянской культуры в университетских аудиториях, в стенах Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного общества, ратовал за распространение славянской, преимущественно русской, литературы в землях соплеменников. Вопрос образования представлялся ему одним из наиболее важных. Мыслитель был убежден, что Россия не должна и не может ждать самостоятельного пробуждения славянского самосознания: ей необходимо принять на себя роль своего рода «миссионера», рассказывающего о национальном единстве и русском духе. Биография Ламанского пестрит примерами, когда он так или иначе способствовал организации мероприятий с целью популяризации русской культуры. Например, постановка оперы «Руслан и Людмила» в Праге прошла не без его участия: «В сентябре 1866 г., получив рекомендательное письмо от В.И. Ламанского к Ригеру в Прагу, я отправилась туда 16-го числа, и с помощью последнего дело о постановке “Руслана” было решено в несколько часов», – вспоминала Л.И. Шестакова в записке, переданной ею Н.А. Римскому-Корсакову [3, с. 8–9].

До революции 1917 г. ученики Ламанского занимали большинство славяноведческих кафедр в российских университетах. Они проявили себя не только как выдающиеся ученые, но и как талантливые общественно-политические деятели. Преподавательская деятельность Ламанского свидетельствуют о том, что серьезная увлеченность его студентов славяноведением являлась следствием не только глубоких познаний учителя, но и его искренней заинтересованности в подопечных. Относясь с любовью и уважением к профессору, слушатели невольно проникались искренней симпатией к предмету, о котором он рассказывал. В пользу этого говорят и многочисленные материалы переписки с деятелями культуры, людьми образованными, но далекими от профессиональной славистики. Выдающейся чертой «школы Ламанского» был обобщающий взгляд на историю и культуру славянских народов, утверждающий самобытность славянской цивилизации. В качестве специфики «школы Ламанского» стоит назвать: 1) интерес к истории славянства, а не славянской филологии, 2) опору на философию славянофилов, 3) признание

самобытности цивилизации греко-славянского мира, которая формировалась в борьбе с германизмом, 4) географический детерминизм, 5) признание особой роли языка в формировании самобытной культуры и цивилизации, 6) убежденность, что русский язык должен стать общим литературным, научным и дипломатическим языком славян.

Особенностью «научных школ» второй половины XIX в. является духовная близость всех ее членов. Профессиональные отношения тесно переплетались с дружескими, а общение «в кулуарах» вдохновляло к построению оригинальных концепций и нетривиальных обобщений. Вероятно, можно даже сказать, что школа Ламанского могла бы стать своего рода прототипом будущего славянского единства, в котором равноправные участники объединены любящей их фигурой учителя.

Литература

Исследования

1. *Аксенова Е.П.* А.Н. Пыпин о развитии славяноведения в России // Славяноведение. 2004. № 6. С. 3–18.
2. *Бринзей Г.В.* Эпистолярное наследие профессора Санкт-Петербургской духовной академии И.С. Пальмова (1856–1920) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 2. С. 95–105.
3. *Бэлза И.Ф.* Из истории русско-чешских музыкальных связей на рубеже XIX и XX столетий // Из истории русско-чешских музыкальных связей. Переписка М.А. Балакирева и Н.А. Римского-Корсакова с Болеславом Каленским. М.: Музгиз, 1955. С. 3–21.
4. *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: Индрик, 2012.
5. *Лаптева Л.П.* Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) и его ученики // Славяноведение. 2014. № 6. С. 82–96.
6. *Лаптева Л.П.* Русский ученый И.С. Пальмов как исследователь Общины чешских братьев // Церковь в истории славянских народов: Материалы международной научной конференции, Москва, 15–16 июня 1993 г. М.: Институт славяноведения РАН, 1997. С. 53–65.
7. *Лаптева Л.П.* Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – первой четверти XX века. По данным переписки ученых // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 68–93.
8. *Малинов А.В.* Из истории академического славянофильства: Неоконченная речь В.И. Ламанского об А.С. Хомякове // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2020. № 2. С. 87–103.
9. *Робинсон М.А.* В.И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег // Славянский альманах. 2013. М.: Индрик, 2014. С. 136–151.
10. *Саприкина О.В.* Академик В. И. Ламанский: патриарх русского славяноведения // Новый исторический вестник. 2001. № 2(4). С. 157–177.
11. *Чемшит А.А., Шенгелая И.Ш.* Поздние славянофилы: геополитическое предчувствие евразийства // Вісник СевНТУ. 2010. № 112. С. 3–6.

12. Шахматов А.А. Записки об ученых трудах заслуженного профессора Императорского С.-Петербургского Университета В.И. Ламанского // Вече: Журнал русской философии и культуры. 2018. Вып. 30. С. 167–174.

Источники

13. Грот К.Я. Об изучении Славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе. Изд. 3-е. СПб.: URSS, 2021.
14. Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: Тип. Майкова, 1871.
15. Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. Посмертное (второе) издание учеников автора, с портретом его / Под ред. и с предисл. Г.М. Князева. Пг.: Тип. Т-ва А.С. Суворина, 1916.
16. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф // Живая старина. 1915. Вып. I–II. С. 9–20.
17. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1915. Т. LI. Вып. VIII. С. 425–457.
18. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.; Л.: Государственное издательство, 1928.
19. Семенов-Тянь-Шанский В.П. То, что прошло. В 2 т. М.: Новый хронограф, 2009.
20. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991. С. 523–538.

Volkova, Elisaveta A. V.I. Lamansky and his students

References

1. Aksenova, E.P. (2004), A.N. Pypin on the development of Slavic studies in Russia, *Slavyanovedenie*, no. 6, pp. 3–18.
2. Brinzey, G.V. (2018), The epistolary legacy of I.S. Palmov (1856–1920), Professor of the St. Petersburg Theological Academy, *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii*, no. 2, pp. 95–105.
3. Belza, I.F. (1955), From the history of Russian-Czech musical relations at the turn of the 19th and 20th centuries, in: *Iz istorii russko-cheshskikh muzykalnykh svyazei. Perepiska M.A. Balakireva i N.A. Rimskogo-Korsakova s Boleslavom Kalenskim* [From the history of Russian-Czech musical relations. Correspondence between M.A. Balakirev, N.A. Rimsky-Korsakov and Boleslav Kalensky], Muzgiz, Moscow, pp. 3–21.
4. Lapteva, L.P. (2012), *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v kontse XIX – pervoy treti XX v.* [History of Slavic studies in Russia at the end of the 19th – first third of the 20th century], Indrik, Moscow.
5. Lapteva, L.P. (2014), Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914) and his students, *Slavyanovedenie*, no. 6, pp. 82–96.
6. Lapteva, L.P. (1997), Russian scientist I.S. Palmov as a researcher of the Community of Czech Brothers, in: *Tserkov' v istorii slavyanskikh narodov: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 15–16 iyunya 1993 g.* [The Church in the History of Slavic Peoples: Proceedings of an International Scientific Conference, Moscow, 15–16 June 1993], Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, pp. 53–65.

7. Lapteva, L.P. (2016), Russian-Czech scientific relations in the second half of the 19th century and of the 20th century. According to scientists' correspondence, *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 1, pp. 68–93.
8. Malinov, A.V. (2020), From the history of academic Slavophilism: The unfinished speech of V.I. Lamansky on A.S. Khomyakov, *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii*, no. 2, pp. 87–103.
9. Robinson, M.A. (2014), V.I. Lamansky, his views on the development of Slavic studies, opinions of students and colleagues about him, *Slavyanskiy almanakh*, 2013, Indrik, Moscow, pp. 136–151.
10. Saprikina, O.V. (2001), Academician V.I. Lamansky: patriarch of Russian Slavic studies, *Novyy istoricheskiy vestnik*, no. 2(4), pp. 157–177.
11. Chemshit, A.A., & Shengelaya, I.Sh. (2010), Late Slavophiles: geopolitical presentiment of Eurasianism, *Visnik SevNTU*, no. 112, pp. 3–6.
12. Shakhmatov, A.A. (2018), Notes on the scholarly labours of V.I. Lamansky, Emeritus Professor at the Imperial University of St. Petersburg, *Veche: Zhurnal russkoy filosofii i kul'tury*, no. 30, pp. 167–174.